

Чарина О. И. Образы русских в преданиях и современных рассказах коренных народов Якутии / О. И. Чарина // Научный диалог. — 2018. — № 1. — С. 96—108. — DOI: 10.24224/2227-1295-2018-1-96-108.

Charina, O. I. (2018). Images of Russians in Legends and Modern Stories of Indigenous Peoples of Yakutia. *Nauchnyy dialog*, 1: 96-108. DOI: 10.24224/2227-1295-2018-1-96-108. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

УДК 398.2(571.56)

DOI: 10.24224/2227-1295-2018-1-96-108

Образы русских в преданиях и современных рассказах коренных народов Якутии¹

© Чарина Ольга Иосифовна (2018), orcid.org/0000-0002-9705-6806, кандидат филологических наук, доцент по специальности «Фольклористика», старший научный сотрудник, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения Российской академии наук (Якутск, Россия), ochar@list.ru.

Рассматривается характер отражения образа русского в аборигенных преданиях и рассказах на протяжении длительного периода на территории Якутии. Приводятся данные о составе этносов в процентном соотношении ко всему населению северных районов, где в основном проживают коренные народы (чукчи, эвены, юкагиры), как свидетельствует перепись 2010 года. Актуальность исследования обусловлена тем, что образ русского в устной прозе коренных народов Севера не рассматривался в динамике. Используются записи текстов, сделанные в указанном регионе во время экспедиций. Проводится сравнение с текстами прозаических произведений, зафиксированных у иных носителей фольклора — коренных народов пограничных земель и краев. Новизна исследования заключается в сравнении записей разных лет: представлены как ранние легенды и семейные истории чукчей, эвенов, юкагиров и якутов, которые были записаны в первые годы фиксации фольклора, так и тексты, зафиксированные сравнительно недавно. Автор доказывает, что образ русского в сказочной прозе народов Якутии претерпевает изменения — от мифологического образа чужеземца до современного персонажа автобиографических рассказов начала XXI, породнившегося с якутами или являющегося распорядителем природных ресурсов.

Ключевые слова: фольклор; мифологизм; исторические предания; бытовые рассказы; экспедиционные материалы.

1 Статья написана при поддержке проекта П.2П/ХII.186-2 «Историческая память в поликультурном пространстве Якутии: формирование и трансформация».

1. Введение

Работа по изучению исторической памяти в поликультурном пространстве Якутии, связанной с формированием и трансформацией арктической идентичности, ставит одной из задач выявление образа русского в фольклоре коренных народов Якутии.

Вопросами взаимодействия аборигенов края и вновь прибывших жителей занимается исследователь Н. А. Криничная. В своих работах она анализирует и характерный образ людей, приехавших жить и / или работать в Якутию [Криничная, 1981, с. 45].

Вопросами идентификации русских аборигенами края занимался В. И. Кузьминых, он отразил свои наблюдения в статье «Образ русского казака в фольклоре народов Северо-Восточной Сибири» [Кузьминых, 1994, с. 32—39]. В. И. Кузьминых фиксирует разное отношение коренных народов к пришлым людям: из рассказов чукчей и коряков видно, что они не принимали казаков, а в воспоминаниях других коренных народов: якутов, эвенков эвенов, юкагиров — нашел отражение положительный образ русских.

В методологическом плане важна работа Т. А. Голованевой и А. Г. Игумнова по изучению образа русского в фольклоре коряков [Голованева и др., 2014а]. Здесь развитие образа русского в корякском фольклоре прослеживается от относительно первых мифологических представлений до современных, реалистичных.

Значимыми для выявления представлений о русском человеке стали исследования конца XIX — начала XX веков известного этнографа В. Г. Богораза [Богораз], а также сказания народов Чукотки, опубликованные А. К. Нефёдкиным [Героические сказания ..., 2016].

Также интересны работы Г. У. Эргиса, который описал все темы преданий якутов поэтапно: появление якутов на территории, близкой к реке Лене; отношения с эвенками (тунгусами); межродовые отношения; вхождение Якутии в состав Русского государства и т. д. [Эргис, 1974, с. 233—284], и труды собирателей фольклора, в частности В. И. Иохельсона [Иохельсон, 2005].

В настоящем исследовании рассматриваются представления о русских — от первых мифологических, зафиксированных в фольклорных источниках, до современных, отраженных в бытовых рассказах. Автор статьи проводит диахронное сравнение первых известных записей о приходе русских и современных нам рассказов об отношениях коренных народов и приезжих, названных *русскими*.

Часть материалов взята из опубликованных источников, например, материалы по устному творчеству ненцев [Пушкарева и др., 2011], коряков

[Голованева и др., 2014а] и др., часть (современные бытовые рассказы) — собрана автором в период работы в экспедициях.

В начале XXI века записи рассказов якутов, эвенков, эвенов, чукчей проводились в Аллаиховском (2001), Нижнеколымском (2005, 2013), Абыйском (2007), Хангаласском (2016), Мегино–Кангаласском (2017) районах. Надо отметить, что по итогам переписи 2010 года представленность национальностей в разных районах Якутии неоднородна: в Мегино–Кангаласском, Хангаласском районах незначительно количество эвенков, в Аллаиховском районе эвены составляют 16,7 %, юкагиры — 2,2 %, в Нижнеколымском районе эвены составляют 12,9 %, юкагиры — 7,4 %, чукчи — 10,8 % от всего населения [ВПН, 2010].

2. Первые фольклорные произведения о приходе русских

Практически сразу, как только стали создаваться и фиксироваться рассказы, предания о пришлых, прослеживается два типа изображения русского: отрицательный и положительный в парадигме «свой / чужой».

Приведем одно из первых якутских преданий, записанное Г. В. Ксенофоновым:

Русских привели тунгусы.

Однажды зимой сын Тыгына, Чаллаайы, встретил двух тунгусских витязей. Последние бросились бежать, а Чаллаайы погнался за ними. Добежали до Мохсоголлох-Хая [Соколиная скала, находится в 87 верстах выше г. Якутска, на левом берегу Лены — пояснение собирателя]. Оба тунгуса были на лыжах. <...>

На следующий год летом этот тунгус появился на правом берегу Лены. Чаллаайы увидел его с левого берега. Тунгус побегал вверх по правому берегу реки, а Чаллаайы погнался по левому берегу. Тунгус добегал до горы Кыыс-Хая [Девница-гора]. Сидя на самой верхушке горы, он стал поносить своего противника и грозить ему. Приставив кулак к носу, он кричал:

«Ужо тебе, живи, остерегаясь, я приведу к вам людей вот с такими ногами!»

<...> Тунгус ушел. Он привел потом русских [Город Якутск, 2007, с. 486].

Как видим, предание касается конкретного места на реке Лене. Вместе с тем четко обозначены противоборствующие стороны: якуты / тунгусы (эвенки). В предании сообщается, что якут — потомок знаменитого богатыря Дыгына защищает свои земли. В свою очередь показано, что тунгусы — смелые воины, охотники, ведущие кочевой образ жизни. В противоборство якутов и тунгусов включается образ нового человека, имеюще-

го облик («вот с такими носами»), отличный от облика якутов и эвенков с характерными азиатскими чертами лица: И. И. Майнов пишет, что лицо якутов «носит явно выраженный монгольский тип» [Майнов, 2012, с. 368]. Тунгусов И. И. Майнов также относит «к особой расе монгольского корня» [Там же, с. 403]. Поэтому эвенки, увидев русских, идентифицировали их как людей, относящихся к европеоидной расе, на что в предании указывает главная особенность их лица — большой нос.

Развитие темы прихода русских отражено в сказке эвенков «Дябдар — чудовище»:

Два богача-чудовища дрались из-за своей берлоги. Оба были покрыты серебряной чешуей. Питались же они только золотом. Никто из них не мог одолеть другого. Тогда один из них, который был послабее, ушел далеко в тайгу и по дороге нашел русских. Их было семь человек. Окружил их Дябдар своим туловищем, сомкнув голову с хвостом. Русские оказались в кольце. Говорят они:

— Как же вырваться нам от чудовища? Как выйти из кольца?

А Дябдар думает: «Из этих семи русских отпущу шесть человек, а одного оставлю».

Среди этих людей один попался очень бедный, он ничего не имел. И решил наш Дябдар взять себе на помощь бедняка, чтобы он помог ему расправиться с другим чудовищем. Говорит Дябдар бедняку:

— А ну садись мне на спину!

Сел человек на спину Дябдару и поехал на нем. Но человек забыл на земле свое ружье. Остановился Дябдар, и бедняк забрал с земли свое охотничье снаряжение.

Говорит Дябдар человеку:

— Ты станешь теперь моим помощником, станешь биться в берлоге с моим противником.

Примчался Дябдар со своим русским к берлоге второго чудовища, остановился. Русский охотник долго целился и наконец убил врага Дябдара.

Половину золота, которым наградил бедняка Дябдар, он подарил солнцу, и стали с тех пор дни теплыми, светлыми. Кусок золота охотник подарил месяцу. С тех пор стал месяц ярко светить по ночам. Много звезд появилось на небе. Русский охотник разбогател. С тех пор он больше никогда не встречал Дябдара [Фольклор народов ..., 2002, с. 261—262].

Мы видим, что перед нами предстает древний миф о сотворении мира с разделением на день и ночь, созданием солнца, месяца и звезд, которому сопутствуют мотивы мести и обогащения. Один из пластов сказки

связан с образами мифологических чудовищ-богатырей, которые борются за власть. Первый богатырь понимает, что надо обратиться к помощи русского. Образ этого русского совершенного реалистичен: он беден, у него есть ружье, он умеет охотиться. Мифологический великан Дябдар одаривает русского богатством, а русский охотник, раздав золото природным стихиям, сам становится богатым. Отметим, что образ великана-богатыря Н. А. Криничная рассматривает как образ представителя прошлого [Криничная, 1988, с. 117—138].

Видимо, приведенное выше предание долгое время пересказывалось, и на древние мифологические представления наложились реалии, связанные с приходом русских, поразивших эвенков владением технически сложным оружием. В предании «Дябдар — чудовище» русские не только оцениваются положительно, но с ними связывается и создание мира.

3. Изменение фольклорных мотивов в произведениях с участием русских персонажей

Со временем в произведениях коренных народов появляется образ русского, которого называют «казак». И это не случайно: И. С. Гурвич, рассматривая положение русского населения на северо-востоке Якутии, пишет, что трудно определить численность русского населения в XVII веке, однако часть русских составляли казаки, «большая часть казаков выезжала на службу семьями» [Гурвич, 1966, с. 61].

Как пишет В. И. Кузьминых, «образ казака появляется в фольклоре тех регионов Сибири, населению которых пришлось вести вооруженную борьбу с пришельцами. А так как основную роль в боевых действиях играли именно служилые люди, то образ казака в сознании аборигенов формировался как образ человека, чьим основным занятием было “усмирение туземцев”. В случае же, когда роль “вооруженной руки” в приведении аборигенов в русское подданство была минимальна, казаки в глазах коренного населения ничем не выделялись из общей массы русских. Таким образом, многое из того, что касается русских вообще, будет справедливым и для казаков, в частности, хотя, несомненно, образ казака нес в себе и многие специфические черты. Иными словами, казак в фольклоре народов Северо-Востока Сибири, помимо черт, характерных только для него, несет и комплекс черт, присущих ему в силу того, что он является русским» [Кузьминых].

Т. А. Голованева и А. Г. Игумнов приводят предание, где зачин следующий: «Тогда ходили и эти чукчи, начали воевать с казаками» [Голованева и др., 2014б, с. 53]. А. К. Нефёдкин приводит записи В. Г. Бого-

раза, где один сюжет, рассказанный чукчами и русскими Нижней Колымы, по-разному раскрывает образ русских. В случае, когда предание исходит из уст чукчей, один из персонажей, Павлуцкий, погибает от умелого выстрела чукчи. А русские старожилы рассказывают, что Павлуцкий сам открылся под выстрел стрелы противника, так как все его товарищи погибли [Героические сказания, 2016, с. 8—9; 323—325]. У нас также имеется запись, в которой русский Соковиков рассказывал: *Павлуцкий видит: все едино, уже ему один конец; чукчи уже больно напирать на них стали. Нам уже кады лучше смерть поскорее принять; а между тем майор весь в весь в кольчугах, с ног до головы закован; чукчи никак повредить не могут. Тогда он сам взял и выставил им на вид открытое горло; дескать, этим местом меня зальет и возьмет* [Чарина, 2013, с. 436].

Постепенно жизнь менялась, войны и стычки уходили в прошлое, даже между чукчами и русскими устанавливались новые отношения. Так, Г. Н. Курилов приводит рассказ, в котором сообщается о юкагире, воспитанном в русской среде:

Во времена Эдилвея был один мальчик-сирота. Он уехал с русскими, учился на попа. <...>

Наступило лето. В то время чаю не было, табака — [курили] траву.

Летом дымовое отверстие [чума] у юкагиров широкое. Лежа поближе к дымовому отверстию, он разглядывал маленькие письма. Разглядывая те свои письма, говорил, оказывается:

— В наш край привезут кирпичный чай, табак. Так говорят мои письма. <...>

— Эти письма говорят, над вашей землей будут висеть два человека. Один в шеткарях, другой — в сарах. Так знайте ... Когда мир уменьшится, из-под наших земель появится мамонт, из-под нашей мерзлой земли. Вот когда появится [и] начнет ходить, наша земля утонет, знайте это.

Имя этого человека было Ярахин. Срок его предсказаний прошел, некоторые [из них] сбылись [Фольклор юкагиров ..., 2005, с. 445—447].

Здесь вполне сочетаются юкагирские и русские представления о мире. Речь идет о том, что юкагир обучался в русской среде, вернулся в стойбище, увидел письма на стенах своего чума. По ним он предсказал, что скоро откроется широкая торговля, в его стране будут править два человека: *один в шеткарях, другой — в сарах*. То есть один — русский (*в шеткарях* — обувь, которую носили русские старожилы, ‘вид меховой обуви с оленьей щеткой на подошве’ [Дружинина, 2007, т. 4, с. 146]), другой — якут (*в сарах* — ‘род меховой обуви из конской кожи с длинными голенищами’ [Там же, с. 28]).

Герой рассказа, Ярахин, является предсказателем, и его знания связаны не только с юкагирскими представлениями о мире, но и с русскими, которые он усвоил, находясь на учебе, возможно, в городе.

Как пишет В. И. Кузьминых, «изменение образа казака происходит в фольклорных памятниках, относящихся к более позднему периоду, когда между коренным и пришлым населением установились довольно мирные отношения. В них мы видим несколько иной образ казака, как человека, живущего среди туземцев и имеющего с ними дружеские связи» [Кузьминых].

4. Современные рассказы об отношениях русских и коренных народов

В начале XXI века исследователи делали записи воспоминаний о сравнительно недавних событиях в судьбе респондентов, например, о проживании в интернате, работе в стойбищах и др. Эти события последовательно отражены в зафиксированных бытовых рассказах [Голованева и др., 2014а, с. 119—121]. Однако следует отметить, что эти материалы по объему уступают преданиям о старине. Также нужно отметить, что, к сожалению, записи современных рассказов практически не опубликованы, поскольку исследователи больше внимания уделяют неизданным текстам традиционного фольклора.

В рассказах, которые встречаются в среде коренных народов в последние 70—80 лет, также отмечается два вектора в изображении русских. Так, для представителей коренных народов, которые находятся в близком соседстве с русскими, характерно лояльное к ним отношение. Подчеркивается, что старшие родственники были «из казаков» или были «юкагирами», «чукчами». Например, рассказ русского-походчанина: *А моя бабушка была русская, а другая бабушка, по материнской линии, была юкагирка*. Традиционно русские старожилы называют себя так: *мы походчане, мы поречане, мы казаки*.

Так, автор статьи разговаривал с эвенкой Акулиной Петровной Трайзе. Она была чумработницей, теперь живет в п. Чокурдах. Она говорит: *В тундру идешь, идешь аккуратно. На ягодник стараешься не наступать. Беречь надо. А то приехали тут нездешние, все затоптали* [ЛА, 2001, Аллаиховский район]. С чукчанкой Евдокией Ивановной Чепейлиной мы разговаривали в с. Походск. Она живет среди русских, знает русский, якутский, чукотский. Любит свои танцы и песни. Показала нам отрывок из чукотского танца, который ей помогали танцевать два внука [ЛА, 2005, Нижнеколымский район].

Для представителей коренных народов, которые проживают в местах, географически оторванных от мест проживания русских, присуще несколько более критичное отношение к русским и приезжим в целом, особенно если их (приезжих) отличает пренебрежительное отношение к малочисленным народам, их культуре, языку и проч. Так, в с. Павловск Мегино-Кангаласского улуса нам посоветовали говорить по-якутски. *А что, не знаете по-якутски? Говори по-якутски*, — посоветовал Андрей Попов, около сорока лет (перевод с якутского) [ЛА, 2017, Мегино-Кангаласский район]. Такие высказывания — не редкость, особенно после десяти лет признания олонхо (якутского героического эпоса) шедевром нематериального наследия человечества в 2005 году.

Вместе с тем нельзя не отметить, что на сегодняшний день аборигены Якутии вполне спокойно относятся к смешанным бракам, при этом дети, если они растут в своей среде, воспитываются в уважении к родной культуре, языку. Мы, находясь в экспедиции в с. Синск Хангаласского района, записали разговор с Н. Е. Христофоровой (35 лет, имеет высшее образование), местной эвенкийкой. Ее бабушка по отцу — русская, отец — «алданский эвенк, с Буотамы». По материнской линии дед — якут из Горного района. По ощущениям, она «саха, а, может, эвенкийка», говорит по-якутски, по-русски, понимает по-эвенкийски. Муж был якут из Оленекского района (в разводе). Детей считает якутами [ЛА, 2016, Хангаласский район].

Русские в селах со смешанным населением подчеркивают, что с детства дружат с якутами. Так, один респондент в с. Синск Хангаласского района указывал на длительную межнациональную дружбу. Вспоминая детские драки «улица на улицу», отмечал, что столкновения происходили не по национальному признаку.

В то же время есть записи бесед, которые свидетельствуют, что эвены и юкагиры, подчеркивая необходимость беречь тундру, выражают недовольство тем пренебрежением к природе, которое проявляют приезжие. Так, например, Иннокентий Яковлевич Горулин (1924 г.р.; отец — юкагир, мать — эвенка; на момент записи оленевод-ветеран), в своем рассказе очень жалел об утрате прежнего вида тундры [ЛА, 2005, Нижнеколымский район]. В 2007 году в п. Белая Гора мы разговаривали с эвеном, Константином Михайловичем Никулиным (1920 г.р.; охотник, ветеран; владеет русским, якутским, эвенским языками), выразившим большое сожаление по поводу агрессивных способов охоты, которые применяли приезжие [ЛА, 2007, Абыйский район]. Эвенки и якуты часто говорят о необходимости бережно относиться к тайге, реке, родным аласам и т. д. [ЛА, 2016, с. Синск Хангаласского района; 2017, с. Павловск Мегино-Кангаласского района].

Обращает на себя внимание, что респонденты иногда смягчают показ иного, некоренного жителя Якутии, называя его «приезжий» без указания на национальность.

Разговоры, записанные автором данной статьи, вполне соответствуют примерам рассказов, которые опубликовали А. А. Бурькин и Е. Т. Пушкарева в сборнике «Фольклор народов Севера», где приводится, например, текст, относящийся к 80-м годам XX века, в котором критично представлен приезжий (без указания на национальность):

А он действительно, наверное, счастливее меня. Ведь он не переживает, не болеет за опустошенный лес, за перерытый бульдозером бор, за заваленную дорогой речку. У него душа чиста, ему все до лампочки. Он с легкостью будет выполнять любую работу, какую ему укажет его начальник, лишь бы только вовремя получать свой длинный рубль и ежемесячно откладывать энную сумму на «жигуль». Он еще два-три года проработает и уедет. А мне после него всю жизнь жить здесь на перерытой, перетоптанной земле, с переломанными деревьями и с замазученными озерами и реками. Мне уже негде будет добывать пушнину и мясо, негде вылавливать рыбу на строганину, негде пасти оленей. Разве это не апокалипсис?! [Пушкарева и др., 2011, с. 357]. Здесь представлен рассказ человека по имени Аатан, его прозвище «Апокалипсис», он ненец, который не может принять пренебрежительное отношение приезжих к своей земле.

Такие философские обобщения присутствуют, конечно, не в каждом бытовом рассказе, но они возникают в том случае, когда страдают природные ресурсы родной земли аборигенов, когда они сами оказываются в зависимом положении по отношению к приезжим.

В то же время П. Е. Прокопьева, рассматривая современное бытование юкагирского фольклора, сообщает следующее: «Рассказы адресовались как детям, так и взрослым. Надо заметить, что в этих семьях в разной степени знаниями о юкагирском фольклоре располагают и вошедшие в ее состав члены, в частности зятья — приезжие люди другой национальности, то есть произведения передавались независимо от национальной принадлежности и возраста» [Прокопьева, 2013, с. 16]. Далее автор отмечает, что аборигенное население, в данном случае юкагиры, спокойно относятся к тому, что часть их родственников — русские в широком смысле этого слова (украинцы, белорусы, молдаване).

5. Выводы

Таким образом, анализ старинных преданий и современных бытовых рассказов позволяет выявить трансформацию образа русского чело-

века в представлениях коренных народов Севера. Нередко под понятием «русский» объединялись люди разных национальностей, в целом их объединяло, то, что все они были «приезжие». Кроме того, анализ фольклора коренных народов позволяет сделать заключение о своеобразных этапах изменения образа русского — от неизвестного пришельца до вполне узнаваемого представителя этой национальности. Если вначале русский изображается как иной, у которого другая внешность, есть огромные возможности, то после нескольких веков совместного непростого проживания образ русского в местном фольклоре меняется: он предстает либо как друг и родственник, либо как завоеватель. Например, в чукотских преданиях образ русского претерпевает изменение от образа чужого до восприятия его как своего.

В современных бытовых рассказах русские также могут показаны двояко: либо как родственники или друзья, хорошие учителя, врачи или представители другой профессии, либо как представители власти, а также люди, имеющие иное представление о природе, коренном населении, относящиеся с пренебрежением к тем местам, в которых они живут и / или работают, поскольку не считают их своими.

Источники и принятые сокращения

1. ЛА — *Личный архив* О. И. Чариной. Записи экспедиционных материалов 2001, 2005, 2007, 2013, 2016, 2017 годов.
2. ВПН — *Всероссийская перепись населения 2010 / Итоги*. Том 4 : Национальный состав и владение языками, гражданство населения Республики Саха (Якутия) [Электронный ресурс]. — Режим доступа : http://sakha.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/sakha/ru/census_and_researching/census/national_census_2010/score_2010.

Литература

1. Богораз В. Г. Чукчи [Электронный ресурс] / В. Г. Богораз. — Режим доступа : http://az.lib.ru/t/tanbogoraz_w_g/text_1934_chukchee1.shtml.
2. *Героические сказания народов Чукотки* / составитель А. К. Нефёдкин. — Санкт-Петербург : Лема, 2016. — 370 с.
3. Голованева Т. А. Изображение русских в корякских исторических преданиях и автобиографических рассказах / Т. А. Голованева, А. Г. Игумнов // Вестник Бурятского государственного университета. Филология. — 2014а. — № 10. — С. 114—122.
4. Голованева Т. А. Сопоставительный анализ особенностей референции в автобиографических рассказах, рассказах об обычаях и исторических преданиях (на материале корякского языка) / Т. А. Голованева, А. Г. Игумнов // Вестник Бурятского государственного университета. Филология. — 2014б. — № 10. — С. 49—55.

5. *Город Якутск* : история, культура, фольклор / составители П. П. Петров, С. И. Боякова ; Окружная администрация города Якутска, Институт гуманитарных исследований Академии наук Республики Саха (Якутия). — Якутск : Бичик, 2007. — 560 с.
6. *Гурвич И. С.* Этническая история северо-востока Сибири / И. С. Гурвич. — Москва : Наука, 1966. — 295 с.
7. *Дружинина М. Ф.* Словарь русских старожильческих говоров на территории Якутии : в 4-х томах. — Якутск : Изд-во Якутского госуниверситета, 2007. — Т. 4. — 189 с.
8. *Иохельсон В. И.* Юкагиры и юкагиризированные тунгусы / В. И. Иохельсон ; перевод с английского В. Х. Иванова, З. И. Ивановой-Унаровой. — Новосибирск : Наука, 2005. — 675 с. (Памятники этнической культуры коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока).
9. *Криничная Н. А.* Персонажи преданий : становление и эволюция образа / Н. А. Криничная. — Ленинград : Наука, Ленинградское отделение, 1988. — 192 с.
10. *Криничная Н. А.* Предания об аборигенах края (к вопросу о мифологизме раннеисторических представлений) / Н. А. Криничная // Русский фольклор. Фольклор и историческая действительность. — Ленинград : Наука, 1981. — Т. 20. — С. 45—61.
11. *Кузьминых В. И.* Образ русского казака в фольклоре народов Северо-Восточной Сибири [Электронный ресурс] / В. И. Кузьминых // Урало-Сибирское казачество в панораме веков. — Томск, 1994. — С. 32—39. — Режим доступа : <http://zaimka.ru/kuzminykh-cossacks/liternet.html>.
12. *Майнов И. И.* Население Якутии / И. И. Майнов // Якутия : сборник статей под редакцией П. В. Виттенбурга. — Ленинград : АН СССР, 1927 (Переиздание : Москва : АК «АЛРОСА», 2012). — С. 323—420.
13. *Прокопьева П. Е.* Повествовательный фольклор лесных юкагиров : особенности функционирования в настоящее время / П. Е. Прокопьева // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. — 2013. — № 1. — С. 14—18.
14. *Пушкарева Е. Т.* Фольклор народов Севера (культурно-антропологические аспекты) / Е. Т. Пушкарева, А. А. Бурыкин. — Санкт-Петербург : Петербургское Востоковедение, 2011. — 390 с.
15. *Фольклор народов Крайнего Севера и Дальнего Востока России* / сост. Е. Р. Акбальян. — Москва : Северные просторы, 2002. — 544 с.
16. *Фольклор юкагиров. Памятники Сибири и Дальнего Востока* / составитель Г. Н. Курилов. — Новосибирск : Наука Сибирское отделение, 2005. — 594 с.
17. *Чарина О. И.* Записи фольклора, произведенные Д. И. Меликовым в Нижнеколымском крае в 1893 г. / О. И. Чарина // Из истории русской фольклористики. Выпуск 8. (ИРЛИ). — Санкт-Петербург : Наука, 2013. — С. 419—437.
18. *Эргис Г. У.* Очерки по якутскому фольклору / Г. У. Эргис. — Москва : Наука, 1974. — 403 с.

Images of Russians in Legends and Modern Stories of Indigenous Peoples of Yakutia¹

© Charina Olga Iosifovna (2018), orcid.org/0000-0002-9705-6806, PhD in Philology, associate professor in folklore studies, senior research scientist, Institute of the Humanities and the Indigenous Peoples of the North of the Siberian Branch of the RAS (Yakutsk, Russia), ochar@list.ru.

The reflection of the image of the Russian in aboriginal legends and stories on the territory of Yakutia for a long period is considered. Data on the composition of ethnic groups are given in the percentage to the entire population of the Northern regions, where indigenous peoples live (Chukchi, Evenks, Yukagirs), as evidenced by the 2010 census. The research urgency is caused by the fact that the image of the Russian in the oral prose of the indigenous peoples of the North was not considered in the dynamics. Text records made in the region during expeditions are used. Comparison with the texts of the prose works fixed from other folklore tellers — indigenous peoples of border lands. The novelty of the study is to compare records of different years: both early legends and family stories of the Chukchi, Evenks, Evens, Yukagirs and Yakuts, which were recorded in the first years of fixing folklore, and texts recorded relatively recently. The author proves that the image of the Russian in non-fairy-tale prose of the peoples of Yakutia was changing — from the mythological image of the alien to the modern character of the autobiographical stories of the beginning of the 21st century, intermarried with the Yakuts or being a steward of natural resources.

Key words: folklore; mythologism; historical legends; household stories; expedition materials.

Material resources

LA — *Lichnyy arkhiv O. I. Charinoy. Zapisi ekspeditsionnykh materialov 2001, 2005, 2007, 2013, 2016, 2017 gg.* (In Russ.).

VPN — *Vserossiyskaya perepis' naseleniya 2010. Itogi, 4: Natsionalnyy sostav i vladeniye yazykami, grazhdanstvo naseleniya Respubliki Sakha (Yakutiya).* Available at: http://sakha.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/sakha/ru/census_and_researching/census/national_census_2010/score_2010. (In Russ.).

References

- Akbalyan, E. R. (sost.) 2002. *Folklor narodov Kraynego Severa i Dalnego Vostoka Rossii*. Moskva: Severnyye prostory. (In Russ.).
- Bogoraz, V. G. *Chukchi*. Available at: http://az.lib.ru/t/tanbogoraz_w_g/text_1934_chukchee1.shtml. (In Russ.).
- Charina, O. I. 2013. Zapisi folkloru, proizvedennyye D. I. Melikovym v Nizhnekolymskom kraye v 1893 g. In: *Iz istorii russkoy folkloristiki*, 8. Sankt-Peterburg: Nauka. 419—437. (In Russ.).
- Druzhinina, M. F. 2007. *Slovar' russkikh starozhilcheskikh govorov na territorii Yakutii, v 4-kh tomakh*, 4. Yakutsk: Izd-vo Yakutskogo gosuniversiteta. (In Russ.).

1 The article is supported within the project II.2II/XII.186-2 “Historical memory in poly-cultural space of Yakutia: forming and transformation”.

- Ergis, G. U. 1974. *Ocherki po yakutskomu folkloru*. Moskva: Nauka. (In Russ.).
- Golovaneva, T. A., Igumnov, A. G. 2014a. Izobrazheniye russkikh v koryakskikh istoricheskikh predaniyakh i avtobiograficheskikh rasskazakh. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya*, 10: 114—122. (In Russ.).
- Golovaneva, T. A., Igumnov, A. G. 2014b. Sopostavitelnyy analiz osobennostey referentsii v avtobiograficheskikh rasskazakh, rasskazakh ob obyichayakh i istoricheskikh predaniyakh (na materiale koryakskogo yazyka). *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya*, 10: 49—55. (In Russ.).
- Gurvich, I. S. 1966. *Etnicheskaya istoriya severo-vostoka Sibiri*. Moskva: Nauka. (In Russ.).
- Iokhelson, V. I. 2005. *Yukagiry i yukagirizirovannyye tungusy*, 5. Novosibirsk: Nauka. (Pamyatniki etnicheskoy kultury korennykh malochislennykh narodov Severa, Sibiri i Dalnego Vostoka). (In Russ.).
- Krinichnaya, N. A. 1981. Predaniya ob aborigenakh kraya (k voprosu o mifologizme ranneistoricheskikh predstavleniy), 20. In: *Russkiy folklor. Folklor i istoricheskaya deystvitelnost'*. Leningrad: Nauka. 45—61. (In Russ.).
- Krinichnaya, N. A. 1988. *Personazhi predaniy: stanovleniye i evolyutsiya obraza*. Leningrad: Nauka. (In Russ.).
- Kurilov, G. N. (sost.) 2005. *Folklor yukagirov. Pamyatniki Sibiri i Dalnego Vostoka*. Novosibirsk: Nauka. (In Russ.).
- Kuzminykh, V. I. 1994. Obraz russkogo kazaka v folklоре narodov Severo-Vostochnoy Sibiri. In: *Uralo-Sibirskoye kazachestvo v panorame vekov*. Tomsk. 32—39. Available at: <http://zaimka.ru/kuzminykh-cossacks/liternet.html>. (In Russ.).
- Maynov, I. I. 2012. *Naseleniye Yakutii Yakutiya: sbornik statey pod redaktsiey P. V. Vitenburga*. Leningrad: AN SSSR. 1927. (Pereizdaniye: Moskva: AK «AL-ROSA»). 323—420. (In Russ.).
- Nefedkin, A. K. (sost.) 2016. *Geroicheskiye skazaniya narodov Chukotki*. Sankt-Peterburg: Lema. (In Russ.).
- Petrov, P. P., Boyakova, S. I. (sost.) 2007. *Gorod Yakutsk: istoriya, kultura, folklоре*. Okruzhnaya administratsiya goroda Yakutsk; Institut gumanitarnykh issledovaniy Akademii nauk Respubliki Sakha (Yakutiya). Yakutsk: Bichik. (In Russ.).
- Prokopyeva, P. E. 2013. Povestvovatelnyy folklор lesnykh yukagirov: osobennosti funkcionirovaniya v nastoyashcheye vremya. *Gumanitarnyye issledovaniya v Vostochnoy Sibiri i na Dalnem Vostoke*, 1. 14—18. (In Russ.).
- Pushkareva, E. T., Burykin, A. A. 2011. *Folklor narodov Severa (kulturno-antropologicheskiye aspekty)*. Sankt-Peterburg: Peterburgskoye Vostokovedeniye. (In Russ.).